

Березин Андрей Васильевич

Магистрант

Направление: Юриспруденция

Магистерская программа: Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза, теория оперативно-розыскной деятельности

Место и роль жертвы при совершении грабежей

Аннотация. В статье проведен анализ места и роли жертвы нападения проблемы ее психологии. Грабеж как форма насилия изучен как процесс, исследованы результаты этого преступления, проведено разграничения характера вреда, причиненного тем или иным его воздействием, от характера самого воздействия, проведена интерпретация функционального назначения насилия в корыстных посягательствах на собственность

Ключевые слова: грабеж, жертва уголовная ответственность, социальная эффективность, психологическое насилие, физический и моральный вред.

Грабеж, в уголовном праве России, – открытое хищение имущества, совершенное без насилия либо соединенное с насилием, не опасным для жизни или здоровья потерпевшего либо с угрозой применения такого насилия. Таким образом, основным определяющим признаком грабежа, отличающим его от кражи, является открытый характер действий виновного, или (что то же самое) отсутствие признака тайности. Корыстно-насильственные преступления, к коим относится грабеж, наносят ущерб гражданам и иным собственникам, дестабилизируют социальные отношения, отрицательно влияют на нравственное состояние общества [4].

Статистика свидетельствует, что наибольшее количество грабежей и разбойных нападений совершается в общественных местах и на улице. На втором месте по статистике находятся грабежи и разбои с проникновением в жилые помещения граждан. При совершении грабежей и разбойных нападений

основными предметами преступного посягательства являются деньги, меховые шапки, дорогие носильные вещи, ювелирные изделия. В последнее время все чаще предметами посягательств являются различные гаджеты.

Сущность способа посягательства невозможно раскрыть посредством обращения только к деянию, ибо деяние, а следовательно, и его операционная сторона, неразрывно связаны с объектом воздействия. Человек же, как объект насильственного воздействия «является единством двух взаимодействующих, но качественно различных подструктур – надбиологической, обеспечивающей его социальную сущность, и биологической, составляющей предпосылку его социального существования» [1]. Определяя сущность человека как совокупность общественных отношений. Конечно, жизнь человека не сводится к биологической стороне его существования, но и не мыслима вне ее. Как живой организм человек остается природным существом, подчиняющимся биологическим закономерностям, на уровне же сознательной психики он обращен к социальному бытию, которое развивается по своим специфическим законам.

Человек как субъект общественной деятельности в соответствии с выполняемой им социальной ролью может выступать носителем различных общественных отношений, в связи с чем преступные посягательства на него квалифицируются по статьям различных глав Уголовного кодекса. Общность же всех преступлений, в которых непосредственному воздействию подвергается субъект общественного отношения, заключается в сходстве способов их совершения, объем которых задан самой природой человека.

Коль скоро человек – это живая система, представляющая собой неразрывное единство физического и духовного, биологического и социального, то все возможные виды воздействия на него опосредствованы сферой их приложения: биологической и психической. Природа этих сфер обуславливает и способы воздействия на человека: энергетический (физическое воздействие) и информационный (психическое воздействие). Поэтому для полноты характеристики насилия необходимо характер воздействия

(энергетический или информационный) рассматривать в неразрывной связи со сферой его непосредственного приложения (биологическая или психическая подструктура) [4].

Если отличительным признаком физического насилия (сколь бы ни многообразны были действия, его образующие, и какие бы орудия и средства при этом не использовались) является энергетическое воздействие на биологическую подструктуру человека, то психическое насилие предполагает информационное воздействие на психическую подструктуру.

При этом следует иметь в виду, что насилие можно рассматривать и как процесс, и как результат этого процесса, в связи, с чем необходимо четко отличать характер вреда, причиненного тем или иным воздействием, от характера самого воздействия. Отождествление же физического вреда (результата) с физическим воздействием (процессом) приводит к неправильным выводам. Для достижения одного и того же результата могут использоваться различные способы, в том числе и сила слова, которая иногда бывает сокрушающей.

Поэтому причинение психической травмы, повлекшей смерть лица, страдавшего, например, тяжким заболеванием сердца, также должно рассматриваться как убийство, если виновный, зная о характере болезни потерпевшего и желая лишить его жизни, рассчитывал именно на обострение болезни и смерть потерпевшего, оказывая непосредственное влияние на психическую сферу другого человека путем передачи ему сведений, вызывающих неблагоприятные психические процессы (стресс, тревогу, страх и др.), сопровождающиеся психосоматическими расстройствами [3]. В этой связи известная строчка «словом можно убить» — отнюдь не поэтическая гипербола.

С точки зрения изменений, вызванных в объекте, грань между психическим и физическим воздействием весьма условна, подчас неразличима. Далеко не всегда можно выделить из общей массы разнообразных воздействий на человека именно те, которые травмируют только психику или затрагивают лишь телесную сферу. Нарушение физиологических функций организма и даже

смерть человека могут быть результатом воздействия на психику, равно как и психическая травма возможна при посредстве физического воздействия. Практически же любое физическое насилие сопровождается изменением (хотя бы кратковременным) психических функций, точно так же, как и психическое насилие влечет физиологические изменения. С этой точки зрения при желании и драку можно рассматривать как обмен информацией при помощи жестов.

Конкретным примером применения изложенных разъяснений может служить дело Клюева и Мансурова, которые по приговору Верховного Суда Республики Татарстан признаны виновными в разбойном нападении на Султанова. При этом суд исходил из того, что подсудимые применили в отношении Султанова баллончик с газом иностранного производства, а когда потерпевший потерял способность к сопротивлению, завладели вещами в квартире и скрылись. Однако кассационная инстанция отметила, что в материалах данного уголовного дела отсутствуют данные об опасности для жизни и здоровья потерпевшего примененного газа, так как не установлены его свойства. Баллончик с газом не обнаружен, судебно-медицинская экспертиза в отношении Султанова не проводилась. Между тем потерпевший сознание не терял, после случившегося пошел сдавать экзамены. При изложенных обстоятельствах кассационная инстанция пришла к выводу о том, что в материалах дела нет доказательств, свидетельствующих о применении осужденными насилия, опасного для жизни и здоровья потерпевшего, поэтому переквалифицировала действия Клюева и Мансурова на грабеж.

Поскольку с внешней стороны психическое насилие в преступлениях против собственности представляет собой воздействие, оказываемое при посредстве такого информационного фактора внешней среды, как угрозы применения физического насилия, постольку в целях общей характеристики угроз представляется необходимым использование таких характеристик угрозы, как ее адресат, формы и содержание, а также таких критериев угрозы, как ее наличие, конкретность и реальность [1].

Правильная интерпретация функционального назначения насилия в корыстных посягательствах на собственность позволяет найти верное решение вопроса и о квалификации случаев хищения имущества способом, получившим название «рывка», т. е. посредством внезапного захвата чужого имущества, при котором виновный, не столько намереваясь оказать насильственное воздействие на потерпевшего, сколько рассчитывая на неожиданность своих действий для потерпевшего и окружающих, на их запоздалую реакцию, растерянность и испуг, выхватывает, например, из рук дамскую сумочку или портфель, срывает с потерпевшего меховую шапку или завладевает подобным образом другими вещами и скрывается.

В такого рода случаях потерпевшему также могут быть по неосторожности причинены физическая боль, какие-то незначительные телесные повреждения и даже более серьезный вред здоровью, но это обстоятельство не превращает содеянное в насильственный грабеж, поскольку выхватывание вещи из рук направлено на захват имущества, а не на личность потерпевшего, причинение вреда здоровью которого по неосторожности выступает побочным результатом изъятия этого имущества.

На сегодняшний день практически никем не оспаривается наличие в этом случае идеальной совокупности простого грабежа и преступления против здоровья (в зависимости от характера и степени тяжести вреда здоровью). В одном из судебных прецедентов по такому делу разъясняется, что «насилие при грабеже служит средством для завладения имуществом и применяется умышленно, чтобы лишить потерпевшего либо возможности, либо желания противодействовать похищению. Поэтому не являются насильственным грабежом случаи похищения имущества так называемым «рывком», когда виновный не применяет и не желает применить насилие. Другое дело, когда усилия виновного направлены на срывание с ушей каких-либо украшений, повлекшее разрыв мочки уха, на стаскивание с пальца перстня, вызвавшее повреждение фаланги, и т. д. Если при «рывке» действия виновного рассчитаны на неожиданность с целью исключения применения насилия, то в описанных

ситуациях виновный явно осознает насильственный характер своих действий и, стало быть, если и не желает, то всяком случае допускает возможность причинения потерпевшему вреда здоровью.

Итак, открытое хищение может быть признано насильственным грабежом лишь при условиях, если примененное грабителем насилие: а) не создавало опасности для жизни или здоровья потерпевшего и б) было средством изъятия имущества или удержания только что изъятых имущества. Таким образом, среди корыстно-насильственной преступности, в частности преступлений, направленных против собственности, грабеж является одним из опасных и наиболее распространённых преступлений.

Группы, совершающие грабежи, относятся к категории нестойких, как правило, досуговых групп с антисоциальной направленностью, для которых характерна небольшая численность, небольшая разница в возрасте между участниками, отсутствие заранее составленного плана криминальной и постпреступной деятельности, отсутствие явного лидера и четкого распределения ролей; с точки зрения уголовно-правовой принадлежности, это чаще всего группы лиц по предварительному сговору; организованная преступная деятельность мало характерна для лиц, совершающих грабежи.

Литература

1. Дубинин Н.П. Что такое человек? М.: Мысль, 1983.
2. Загородников Н.И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1961.
3. Таначев В.С. Кража на современном этапе: уголовная и правовая характеристика // Право и безопасность. 2017. № 21.
4. Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность: Монография. М.: Норма, Инфра-М, 2012.